

Девушка со стаканом самбуки

16+

Анна Ф. Райх

Анна Ф. Райх

Девушка со стаканом самбуки

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Анна Ф. Райх

Девушка со стаканом самбуки / Анна Ф. Райх — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

В скучную жизнь официантки Зои стремительно врывается первая любовь. И не одна, а с невестой, привлекая за собой череду ярких событий. Сумеет ли Зоя вернуть любимого или же, это просто очередная глава в жизни?

Содержание

Глава первая.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Ф. Райх

Девушка со стаканом самбуки

Глава первая.

Как же я устала! Интересно, сколько человек одновременно со мной в данную минуту ненавидят свою работу? Нет, работа нормальная, но люди порой просто невыносимы.

Нет, люди тоже неплохие, но не когда ты работаешь с ними без выходных. Я выдыхаю, представляя, как получу долгожданный отпуск и готова пахать дальше. Все-таки не так все плохо, ведь я не на почте тружусь.

– Что будете заказывать? – пытаюсь выдавить доброжелательную улыбку, спрашиваю я двух ряженных блондинок. Они отвечают мне: «секс на пляже» и по-дурацки так смеются, будто они непорочные девственницы. Отношу заказ на бар, Леша-бармен его принимает, пристально смотрит на блондинок, затем произносит:

– Прикинь, с ними с двумя?

– Ага, вдвое больше затрат, – отвечаю ему я, – Две шубы, две квартиры в центре города.

– Я же не имею ввиду отношения, – пытается уличить меня в непонятливости бармен, – Так одну ночь без всяких обязательств.

– Если ты не имеешь ввиду отношения, то потом отношения имеют тебя. Это только вы мужчины думаете, что можно все даром получить. За все приходится платить, и такие дамочки принимают оплату виде шуб, карликовых собачек и бриллиантов, на что у тебя, естественно, нет средств.

Он что-то буркнул, про то, что просто помечтал, я бы сказала ему, что мечтать не вредно, но решила парня уж совсем не расстраивать. В любом случае, у него отбоя от девушек нет, что ж ему сетовать на жизнь?

Продолжаю дальше разносить заказы, еще только девять, а ноги уже гудят, как же я доживу до трех ночи? Ой, не знаю.

Один гость подмигивает мне глазом – рассчитать. Я подлетаю к нему, он такой упитанный дяденька, каких мы называем «кошельками», кладу счет, он открывает деревянный сундук, вынимает из него жвачку, кладет на ее место тысячу, хотя должен нам 700 рублей.

– Спасибо, Марина, сдачи не надо, – и довольный уходит.

– Приходите еще, – говорю ему вслед я, не объясняя, что я совсем не Марина, как написано на бейджике. Вообще такая путаница постоянно случается в кафе и ресторанах, поскольку работники меняются часто, а бейджиков на всех не напасешься. Приходишь устраиваться на работу – тебе тут же выдают форму, а на ней имя прежнего хозяина. Таким образом, у нас Леша-бармен – Виктор, Наташа-официантка – Инесса, а я – Марина.

– Зоя, сколько он тебе оставил? – любопытствует Наташа.

– Триста, – отвечаю я, но увидев директора Анну Сергеевну за баром, продолжаю, – Но только он их оставил Марине. Может, пора нам сделать правильные бейджи, все же мы здесь уже год работаем?

– Посмотрим, – хмурится Анна. Мы с ней вроде как друзья, но только по переписке, этого я и сама понять не могу. На работе она меня при всех может отчитать, а потом попросит посидеть с сыном. Наши с ней отношения еще запутаннее, чем вся моя жизнь.

Продолжаю с ней стоять за баром и как только она решила пойти к себе в кабинет, а я взяла в руки бокал и поставила его на поднос, в дверях показывается кто-то до боли знакомый. Я стою, замерев.

Паша. Моя старая школьная любовь. Из-за него я приехала в Питер, хотела признаться, что все четыре года моей учебы я не могла его забыть, но сдрейфила. Такие вещи не говорят по прошествии многих лет.

И что тут началось! Бокал медленно едет по накренившемуся подносу и, касаясь пола, разлетается на мелкие кусочки, а его содержимое заливает мне ноги. Паша поворачивает голову в мою сторону, но прежде чем он меня сможет увидеть, я сажусь на пол, прячась за стойкой. Анна Сергеевна ругается, что уволит меня, хотя я еще ни разу ничего не роняла.

С горем пополам, собираю остатки стекла, Наташа забирает злополучный заказ и говорит мне:

– Пятый столик обслужи.

Я встаю, оцениваю обстановку – Паши нет, отлично, может, мне показалось, что это он? Значит, у меня глюки! Уф, вот это новость! Надо меньше колы пить, и не просто колы, а колы с водкой. Особенно на ночь.

Хлюпая правой туфлей, в которую попала большая часть напитка, подхожу к пятому столику, к женщине блондинке и мужчине брюнету, что сидит ко мне спиной. И вот я понимаю, что бросать пить мне не нужно, это не глюки, это действительно Паша. Силюсь улыбаться, но получается нервный оскал:

– Что будете заказывать?

– Зоя? Это ты? Боже, что ты здесь делаешь? – проговаривает он своим бархатным голосом, не оставляя мне шансов, сегодня напьюсь точно, его глаза сияют, аккуратные темные уложены в стиле «легкая небрежность», джинсы, футболка, пиджак. Стоп. Нужно отвечать. И я отвечаю:

– Работаю.

Его подруга начинает мерзко смеяться, я понимаю, что смеется она искреннее над моей шуткой, но выходит у нее это крайне идиотски.

– Да я про Питер! Ты же хотела стать актрисой?

Жаль, что я тебя разочаровала, Паша, ну почему ты говоришь, как все мои родственники? Работай по профессии! Зачем же ты училась? Надо было идти на бухгалтера, дядя Федя бы тебя устроил.

– Смотрел «Человека-паука»? – внезапно спрашиваю я.

– Да, – отвечает он.

– Мэри-Джейн тоже работала официанткой, прежде чем стать дивой театра. Так что будете пить?

Тему я перевела и вроде бы так тактично, перейдем к делу, а то за лишнюю болтовню меня Аня из большой любви оштрафует.

– Я буду виски, – говорит он.

– С колой или...

– Чистый.

Надо же, прямо как Аль Пачино, настоящий мужик, гламурная чика из глубинки бы сейчас все отдала, чтобы быть на моем месте и обомлевшая побрела бы домой на своих кривых ножках. Фу, какая я злобная. Каждый раз, думая об Аль Пачино, я вспоминаю свою давнюю знакомую, грозу обольщения и самую, по ее же мнению, сексуальную девушку института, где я училась. Однажды она лишила девственности одного парня, и с тех пор он стал асексуалом.

– Это Люся, – знакомит меня Паша с блондинкой, – Моя невеста. А это Зоя, моя бывшая одноклассница.

Ну да, фиг он скажет: «моя бывшая любовь», если б он такое произнес, она бы ему врезала своей маленькой сумочкой в виде машинки и в слезах убежала бы прочь, хотя на таких каблуках далеко не убежишь. Вместо того, чтобы дальше развивать картину ее падения на асфальт или даже в лужу, я осведомляюсь:

– Людмила, а вы что будете?

– Мартини.

Ну, конечно, я бы удивилась, если бы такая размалеванная девица попросила: «водки рюмашку, картошечки молодой и огурчик малосольненький» и с сабли бы выпила рюмку под крики «любе».

– Мартини с... – пытаюсь переспросить я, но она меня так сладенько обрывает:

– Чистый.

Ее «ч» звучит отвратительно и я хочу вырвать ей язык, но говорю, посмеиваясь:

– Значит, вы – чистяки?!

Люся отвратительно смеется, а Паша подтверждает:

– Да, отлично замечено.

После чего они заказывают два фирменных блюда, и я ухожу, думая о том, почему он зашел именно к нам, что мало баров что ли в городе?

Еле как отрабатываю оставшиеся заказы, потом рассчитываю Пашу, на прощание он мне говорит, что нужно не теряться, я ему отвечаю, что я уже четыре года не теряюсь в «одноклассниках» и мы прощаемся.

Наташа как-то неприятно смотрит на меня, а Леша с большими глазами спрашивает, что это было. Я ничего не отвечаю, потому что уже два часа и пора потихоньку собираться домой, хотя ноги еле несут меня. Я думаю только о той бутылке самбуки, которая стоит у меня дома в холодильнике. Спасибо, Анна Сергеевна, тебе за этот поистине божественный подарок.

Задумываюсь о том, что мой одноклассник, наверное, разочаровался, во мне, ведь я не исполнила свою давнюю мечту. А что? Здесь у нас все мечтатели, прямо как в фильме «Один день» пишемся через дефис, Наташа – официант-художник, Катя – официант-певица, Леша – бармен-серфер, а я – официант-актриса.

Плетусь в коморку, надеваю куртку, чтобы пойти покурить, как Наташа выбегает ошарашенная и кричит, что у нас в женском туалете кто-то умер. Я иду туда, а там уже народу – весь персонал, а Аня трясется, хотя она у нас девушка стойкая. Ладно, почему-то кроме меня никто не хочет подойти ближе. Чувствуя себя Брюсом Уиллисом, т.е. настоящим мужиком, это в укор охране и бармену, подхожу к кабинке.

Стучу.

Дверь открывается и оттуда вываливается плачущая девушка, я хватаю ее, слыша, как все синхронно выдохнули.

После мы усадили девушку за стол. Налили ей воды и давай расспрашивать, что она там делала. Та ответила, что ее зовут Лена, что она сюда пришла с парнем, а он ее бросил.

– Ушел и не расплатился? – серьезно спрашивает Анна Сергеевна.

– Нет, он сказал, что мы должны расстаться, – сопя, отвечает девушка.

Еще один всеобщий выдох.

– Я пошла в туалет и не смогла выйти, – Лена завывала и продолжила рыдать еще сильнее.

Всем было плевать на подробности личной жизни посетительницы, они готовы были сделать все, лишь бы она ушла, чтобы самим пойти поскорее домой.

– Я закажу тебе такси, – расщедрилась Наташа.

– Я здесь не далеко живу, не надо, – прошептала Елена, копаясь в своей сумке, она нашла зеркало, безразлично посмотрела в него и бросила обратно.

– Леша тебя проводит, – говорю я, да только Леша и след простыл, – Ладно, я тебя провожу.

По дороге, я успела с ней немного познакомиться и поуспокаивать, вообще я не хотела с ней разговаривать, но она решила признаться мне, что думала о суициде и все такое. Пришлось ее отговаривать от этих глупостей.

– Знаешь, Зина...

– Я – Зоя, – резко отвечаю я ей, терпеть не могу, когда путают. Или когда снимают какой-нибудь фильм про совковские времена и называют партийного деятеля Зоей, ну, а как же нам еще ее назвать?

– Извини, я думала, он сегодня мне сделает предложение...

Опять слезы. Прямо сюжет для дурацкого фильма о любви. Девушку бросает парень, девушка встает на путь самореализации, потом девушка встречает нового парня, а старый грызет локти.

– Лена, чего ты хочешь больше всего на свете? – спрашиваю я ее, чтобы придумать ей новую цель.

– Замуж, – отвечает она, ставя меня в тупик.

– Замуж? Ну, а в детстве ты чего хотела? – настаиваю я.

– Замуж, – снова попискивает она.

– Ты что, издеваешься? Это не может быть смыслом всей жизни! Да без мужиков лучше! Вот, смотри, я живу одна, и секс у меня бывает раз в год, но зато мне никто не капает на мозги и не заставляет пыль протирать каждый день, и если я не приготовила ужин – ничего страшного, значит, я просто не хочу есть.

Вряд ли я ее убедила, отвела до дому и все, более я сделать не могу. Иду к себе, темный город, поздно, а ни одного гопника или маньяка, никто не выхватывает у меня сумку. Даже скучно как-то и обидно, все всегда предупреждают, что опасно ходить одной по ночам. Что в итоге? Да, ничего. Моего грозного вида, наверное, боятся.

Пришла домой. Пью самбуку. Вспоминаю прошедший день. Вспоминаю Пашу.

Каждый год на день Святого Валентина мы вытаскивали имена друг друга из коробки «Кто кого будет поздравлять». «Зоя» – «Паша», «Паша» – «Зоя». Интересно, что он подумал, увидев меня? «Фу, она стала официантка!», нет, или «Эта коротышка – Зоя?», или «Ну и корова!», ничего себе – корова, да я похудела, вон одни ребра торчат!

Зачем я думаю о нем, почему не забываю? Видимо я – его фанат. Не скажи, я же спокойно отнеслась, что он с другой, не стала рвать ее золотые волосы и кричать ему «Ты мой!». Я мирюсь с его любовью к другой, тем самым делаю себе больно, блин, да я же фанатик-мазохист!

Выпиваю еще одну рюмку и ложусь спать.

Глава вторая.

Сегодня дождливый день, один из тех дождливых дней, которые часто случаются осенью в Санкт-Петербурге. Ливень не прекращается вот уже 24 часа. Наташа за кассой грустно подсчитывает выручку, Катя – вытирает со столов, бармен курит внаглую прямо за стойкой. Хорошо, что Анна Сергеевна его не видит, уволила бы, потом простила бы, но сначала уволила. Доделываем свои дела и собираемся домой. Я надеваю плащ, он сразу с капюшоном и зонта не надо, правда я похожа на пожарного Англии начала двадцатого века, а ну и ладно.

Наташа что-то тормозит в дверях, разговаривает:

– Мы уже закрываемся, – слышу я, потом Наташа зовет меня, я иду к ней, желая сказать посетителю тоже самое, уже держу ключи наготове, чтоб закрыть дверь, но тут вижу Пашу. Он стоит весь мокрый, с его челки, превратившейся в сосульки, капает вода. Он тяжело дышит, скорее всего, бежал сюда, но зачем? Может, он хочет поговорить... со мной? Сердце медленно сползает вниз, как белорусские колготки и повисает где-то на уровне колен.

– Ладно, входи, – говорю я ему, замечая непонимание в глазах Наташи, – Иди, а я закрою.

Наташа уходит, а я кричу своему гостю, чтобы он хорошенько вытер ноги, мне здесь мокрых следов не надо. Он тщательно вытирает ноги, ловит полотенце, что я ему бросаю и немного высушивает голову. Затем я варю кофе, чтобы согрелся, отпив его немного, Паша читает свой рассказ:

– Люся вчера здесь потеряла кольцо, которое я ей подарил, оно ей чуть большеватое, вот и слетело с пальца. Никто его не находил?

В глазах его надежда, но я не буду обманывать:

– Я не находила, да и никто мне не говорил о такой находке.

– Жаль, – вздыхает он.

– А как оно выглядело? – интересуюсь я.

– Золотое с голубым топазом, а вокруг камня кольцо из бриллиантов.

Не хило, значит, зарабатывает он неплохо. В моей жизни единственным кольцом было то, что продавалось в киоске вместе с жевачкой.

Я обещаю, что найду его, мой собеседник благодарно улыбается и вызывает такси. Затем предлагает меня подвести, но я отказываюсь, поскольку мне довольно сложно находиться рядом с ним, однако, Паша настаивает.

Мы едем молча всю дорогу, потом прощаемся. Напоследок он дает мне свой номер телефона. Я прихожу домой, меня трясет, курю, ложусь спать, даже забыв выпить своей любимой самбуки. И к лучшему – думаю я, пить в одного – начало алкоголизма.

Следующий день был абсолютно обычным. То есть невероятно скучным. Мы готовимся к открытию бара, делаем из салфеток лебедей, уборщица моет полы, я ставлю таблички на зарезервированные столики, бармен зевает, из радиоприемника звучит песня «Колечко, колечко, кольцо» и издевательски напоминает о моей миссии. Анна Сергеевна ругается, что эта радиостанция не нашего формата, Наташа достает из холодильника заправок, и вот тут я и замечаю...

Замечаю, что у нее на пальце золотое кольцо с топазом.

– Откуда это у тебя? – хватаю я ее за руку.

– Муж подарил, – нервничая, отвечает она, вырывает ладонь из моей руки и прячет его в карман.

– Он что вдруг стал олигархом? – не верю ей я, это же Пашино кольцо.

На мои слова Наташа отмалчивается и пытается скрыть, но я настигаю ее в нашей коморке:

– Помнишь, клиента, что вчера пришел к закрытию, он потерял кольцо, по описанию это то самое кольцо, которое, как ты утверждаешь, подарил тебе муж, но мы-то все знаем, что это не правда.

От этих слов Наташа просто взрывается и начинает на меня кричать:

– Ты меня, что же в воровстве обвиняешь?!

– Не в воровстве. Ты нашла, так отдай, человек вчера весь город обежал, искал кольцо по всем углам, – я тоже начинаю медленно переходить на крик и расплескивать руками, оппонентка же мне не уступает:

– Я сейчас мужу позвоню, он тебе все популярно объяснит! – говорит она это так, словно угрожает, что ее муженек меня бить будет.

– Отлично, пусть чек не забудет, я тоже сделаю звоночек.

Ухожу звонить Паше, смело набираю номер, и как только слышу гудки, прихожу в себя. Я звоню Паше? Что ему сказать? Привет? Здравствуйте, Павел?..

Тут он берет трубку, и я как пионер все ему выпаливаю голосом на непонятной частоте. Это заметил Леша, и как только я закончила разговор, то увидела его ехидный взгляд:

– Что это был сейчас за голос? У нас завелся Микки Маус?

Ну, быть может, для девушки моей фактуры такой голос странноват, мне становится жутко неловко, я вообще нормально разговариваю, уроки речи в Академии не прошли зря.

Изнемогая от вибраций ненависти, исходящий от Наташи, продолжаю делать свою работу. Через час приезжает ее муж и начинает как истинный джентльмен орать на меня, а я маленькая, стою, вжавшись в шкаф подсобки, и в прямом смысле этого слова, обалдеваю от его наглости. Выслушав страстную речь, в основном состоявшую из матов, наконец, выпаливаю:

– Хорош на девушку орать, покажи чек, смельчак!

Чувствую себя Моськой, а он продолжает свой монолог из тех же слов, но в другом порядке, я даже еле смех сдержала, вот что значит, маленький словарный запас.

Тут Анна Сергеевна спасает ситуацию, входит вместе с Пашей и популярно объясняет кто здесь не прав. Паша в свою очередь показывает чек и фотографию своей невесты с этим кольцом. Обман раскрыт, Наташа краснеет, но это еще не конец, мужу видимо тоже как-то неловко из-за этого и хочет поговорить наедине с Пашей. Никто не против, и они выходят в задний двор. Через несколько минут, я, поднимающая упавшие во время моего вжатия в шкаф салфетки, слышу хлопок, это не может быть чем-то хорошим, вроде новогодней хлопушки, поэтому бегу к мужчинам. Мужа Наташи там уже нет, только окровавленный нос моего одноклассника. Приношу ему лед в полотенце и сижу на ступеньках рядом с мусоркой, какая аллегория!

– Не думал, что это кольцо будет стоить мне носа, – смеется Паша, я улыбаюсь ему в ответ, но он видит мою улыбку только краем глаза, кстати, глаз у него тоже распух. Я могла бы назвать его «мой герой», да ведь он защищал не меня, а кольцо своей любимой.

Почему тогда в аэропорту пять лет назад я не сказала тебе... Что сказала? Что ты дорог мне? Я никогда не смогу сказать этого тебе, я слишком долго тебя в себе хранила, что слово «любовь» стало богохульным. Мы с тобой как те кленовые листья, которые никогда не упадут в одну лужу.

– Спасибо тебе, – говорит он, – Ты – мой личный Шерлок.

– На здоровье, – отвечаю я, – Тебе оно пригодится. И изогни кольцо своей невесте, чтобы она его больше не теряла.

– Если она потеряет еще раз, сама будет за него получать.

Паша смеется, я отвечаю ему и понимаю, что впервые в жизни смеюсь как-то не попорсячи, а искренне. Через пару минут он убирает лед и уезжает.

Остаток дня провожу как в тумане, терплю злобные взгляды Наташи, помогаю Кате с ее столами, у нее сегодня аншлаг, курю на черном входе с барменом.

Повар путает заказ семи порций блинов и делает семь порций оладий, я вежливо уговариваю клиентов взять оладьи, они соглашаются и просят добавки, оставляя мне нехилые чаевые, хотя, среди русских чаевые давать как-то не принято, но в больших городах и люди большие, не говоря уже об их зарплатах. После всего этого договариваюсь с Анной Сергеевной, что посижу завтра с ее сыном и иду домой в предвкушении выходного. Дома мне снится аэропорт.

Глава третья.

Иду я как-то домой, на улице душно, пыльно, пахнет выхлопными газами от проезжающих машин, останавливаюсь на светофоре. Рядом стоит женщина с коляской и тут что-то сверкает прямо рядом, и в голове у меня проносится «фотографирует кто-то» и через секунду как громыхнет, я аж назад отпрыгнула, все тут же залило дождем. И только когда моих ладоней коснулись капли, я поняла, что это сверкнула молния, и она могла ударить в меня.

Я перепугалась не на шутку, продолжаю стоять, мокрая как крыса и замечаю проезжающую машину, в ней сидит блондинка и Паша, и он смотрит на меня! Я вижу по его взгляду, что он узнал меня, но в ту же секунду он отворачивает взгляд и едет дальше.

У него есть мой телефон, но он никогда не звонит мне, а я и не мечтаю об этом. Когда становишься взрослой, понимаешь, что мечтать уже бесполезно.

Втыкаю наушники и иду дальше. В голове играет фортепиано, я иду и понимаю, что все люди живут одинаково, в сущности, они все одиноки, не важно, сколько человеческих тел их окружает.

Теперь я сижу с сыном и племянницей Анны Сергеевны, так как сама Анна ушла гулять со своей сестрой из Таганрога. И пока они напивались в баре, мы с детьми съели по пицце, посмотрели «Человека-паука» и даже поиграли в прятки. После чего меня попросили сделать

охладительные напитки. И вот, я разливаю сок по стаканам, а маленькая Даша спрашивает меня:

– У тебя есть принц? Тетя Аня сказала, что у тебя есть принц.

– Ну... – замялась я.

– Ты ведь красивая, а у всех красивых девушек есть принцы.

И откуда такая уверенность, что я – красивая. Никогда себя такой не считала. Я – нормальная, по-моему это куда лучше. А количество принцев от красоты не зависит. Но ребенку этого знать рановато, поэтому говорю просто:

– Есть.

И глупа этим я, потому что Даша сразу же интересуется, где он, как он выглядит и какого дракона убил. Нашему разговору сильно удивлен Ваня, Анин сын:

– Мама сказала, что ты – феминимистка.

– Это что такое? – округляет глаза Даша.

– Которая не любит мужчин, – с умным видом объясняет Ваня.

– Не совсем верное толкование, – примечаю я, – Я вполне люблю мужчин, особенно таких хорошеньких, как ты.

Пришлось зашепотать детей, иначе разговор принял бы просветительский характер. Рано еще знать маленькой и хорошенькой девочке о том, какие порою мужики-козлы, при таком разговоре сок – не питье, тут вино надо, а если рассказ приобретает сопливый оборот, то без водки вообще не обойтись.

Отправив детей к телевизору, наконец, позволяю себе немного расслабиться, захожу в кабинет Анны Сергеевны и по-барски так распластываюсь на софе а-ля 19 век, которая выглядит довольно дряхленько. На сей момент мне все равно, сколько ей лет, поскольку мои кости хрустят громче, чем ножки этой старой софы.

Мой мобильник звонит на кухне, это сильно огорчает меня, но я соскребываю свое тело с блаженного места и иду, меня зовет причудливый голос Иена Кертиса. Честно, не знаю, почему я именно его поставила на рингтон, накатило что-то.

Возвращаясь от музыкантов к звонку. Трубка лежит рядом с мойкой, вибрирует, причем вибрирует-то в сторону раковины, медленно подползая к краю. Бац! Мой сотовый среди тарелок и воды. Так ему и пришел конец, в надежде, что он заработает, высушиваю его и кладу на полотенце, дисплей не светится и я грущу о потерянном списке контактов. Конечно, все можно восстановить, но на это требуется время, а его у меня так мало.

Как только печаль моя утихла ни с того ни с сего слышится снова голос Кертиса, что ставит меня и детей в состояние ужаса! Мы только что проверяли телефон, и он не издавал никаких звуков жизни и тут вдруг звонок! Я сразу вспоминаю несколько фильмов ужасов про телефоны и медленно, но верно покрываюсь мурашками. На ледяных ногах подхожу к сотовому, невольно начиная ненавидеть готичный голос солиста “Joy Devision”, смотрю на дисплей и вижу буквы «входящий звонок», номер, конечно, не высвечивается. Нажимаю на «принять».

– Алло, – загробным голосом произношу я.

– Зоя, привет, это Паша, ну помнишь меня, тот, с кольцом.

Я успокаиваюсь и начинаю вникать в суть разговора. А он состоит вот в чем: свадьба Павла и Людмилы должна была состояться через два дня, но волнуйтесь, она состоится, правда есть одна проблемка, а именно, они заказали ведущего, но все деньги, что были отложены на торжество, пошли на уплату ремонта машины.

Вот так. И теперь Паша просит меня, «как человека артистичного» провести его торжество. Только он не учел, что я никогда этого не делала. Но, как вы уже догадались, я согласилась и всю ночь провела в интернете, составляя сценарий и подыскивая им музыку для «первого танца». Я выбрала караоке-версию одной англоязычной песни Алсу, довольно красивой валь-

совой мелодии с нежным бэк-вокалом и маленькими колокольчиками на заднем фоне, если бы на своей свадьбе я танцевала под такую музыку, то чувствовала бы себя настоящей принцессой.

Кстати, телефон после его звонка снова погас без надежды на восстановление. И для того, чтобы поправить это положение, я встаю рано утром и иду сдавать мобильник в ремонт, при этом совсем забываю, что ночью не смыла макияж, можете представить, что случилось с моими глазами после тревожного сна.

Теперь уже без телефона я сижу на лавочке и курю, взгляд у меня потерянный, синяки под глазами и огромные расплывшиеся круги черного карандаша и туши, о которых я не знаю. К тому же я надела черную кофту и черные джинсы, что мне чуть малы, поэтому обтягивают всю часть тела, что находится ниже пояса.

Летящей походкой ко мне подходят два неформала: парень и девушка, у парня волосы дыбом, как будто на его глазах Ленин из мавзолея вышел, а у девушки большое птичье гнездо на голове и черные губы. Парень просит подкурить, у бедняжки спички закончились, я хотела ему сказать, что лучше приобрести зажигалку, но увидев его шатающийся взгляд – передумала.

– Чувиха, ты просто тру, – улыбнулась мне девушка, тут я вспомнила, что у меня еще нечесанные волосы.

– Мля... – вылутился парень на меня, – Да ты же вылитый горшок!

Он сказал это с таким восторгом и преклонением, что я вообще не знаю, что и думать. Неформалы ушли, а я сижу в восемь часов утра и пытаюсь понять, с каким горшком и почему он меня сравнил.

С ночным? С цветочным? Из-за формы головы? Я воняю? Посади в меня семечку и появится росточек? Может, на их языке это означает «главный» или «самый странный» или «тамада», почему последнее мне пришло в голову, я не знаю.

Перечисляю, какие горшки бывают, кроме ночных, глиняные, пластиковые, с тарелочкой, клумбы, для пельменей, для варенья... жалею, что не спросила этого парня, потому что слова его так и звучат в моей ватной голове. Я захожу в цветочный магазин и как идиотка изучаю там горшки, вспоминаю сказки, даже покупаю один себе. Прихожу к выводу, что я настоящий уродец, раз меня сравнивают с этой вещью утром два пьяных взъерошенных панка.

Я мучаюсь еще около часа, пока я не прохожу мимо афиши с надписью «Король и шут» и тут меня осеняет, с каким Горшком меня сравнили. И еще час думаю, почему мне стоит воспринимать это как комплимент. Причин не нахожу и иду на работу, просто оттого, что делать мне нечего. Прихожу. Туплю. Сижу. Пью кофе. Курю. Меня гонят, поскольку у меня выходной. Я говорю, что возьму подряд без выходных, но мне отвечают, что я уже так делала и мне положено отдыхать.

Приходит Анна Сергеевна, я рассказываю ей в неформальной обстановке о грядущей свадьбе, а она мне в свою очередь рассказывает, что Паша и ей звонил и что заказал зал в день своей свадьбы. И вот я начинаю жалеть, что я не панк и мне не все равно на этот факт. Я почувствовала, что в этот злополучный день мне не отвертеться.

Туплю. Сижу. Пью кофе. Сижу. Курю. Офигеваю от происходящего. Что за приколы судьбы? То вообще никаких событий, то все сразу! Нельзя ли там составить какой-нибудь график потрясений, чтоб в месяц было по одному. Я бы даже так привыкла и особо не удивлялась бы.

Туплю. Сижу. Пью самбуку. Курю. Пью самбуку. Курю. Реву как дура. Курю.

Глава четвертая.

Я сижу в зале, залитом светом, вокруг меня парят вальсирующие пары, дамы шуршат пышными платьями, а я стою рядом с фуршетным столиком и допиваю четвертый бокал шампанского.

Одна леди из очень почтенной семьи смотрит на меня укорительно, мол, недостойно молодой барышне столько пить, а я продолжаю хлебать золотистую жидкость и в мой нос снова

и снова ударяют газы пузырьков. Со временем я устаю от всей этой суеты, вальса и дам с дурацкими перьями в высоких прическах, я выхожу на улицу, где зверски льет дождь. Своими крупными каплями он чуть ли не пробивает мне череп, но я привыкаю к этому давлению и иду в поле.

Мое платье, впитавшее в себя всю встреченную им воду, весит вдвое больше меня, но я продолжаю идти вперед, поднимаюсь на самый верх холма, на котором в солнечный день пасутся овцы, и вижу Его.

Он стоит такой же мокрый, как и я. Его глаза блестят, сейчас они напоминают мне две кружи горячего шоколада, которого не мешало бы выпить в такой ливень, укрывшись пледом, где-нибудь у камина. Он улыбается мне, но эта улыбка превращается в жуткую гримасу, а потом из его шоколадных глаз текут слезы. Затем подбегает белокурая девушка и уводит его за руку, а он даже не сопротивляется...

Жуткий, жуткий, просто жутчайший сон!!! Как такое вообще могло присниться, смотрю на часы: полшестого, дети спят. Тихонько, украдкой бреду на кухню, открываю холодильник и капаю себе успокоительного, у Анны Сергеевны всегда припасена бутылочка французского вина.

– Тетя Зоя, – слышу я тоненький голос Даши, она включает свет и застает меня за постыдным делом, – Так и до алкоголизма не далеко.

Какая умная девочка! И главное, все подмечает! Я ставлю бокал на стол и глупо так улыбаюсь, делая невинный вид.

– Не бойся, Даш, тетя Зоя до такого не дойдет, – отвечаю я, на что Даша хмурит брови, разглядывая желтоватую жидкость в моем бокале:

– В таком случае, вылей это в раковину.

Что? Вылить сто миллилитров дорогущего вина, да за это меня покарает бог Дионис! Я не могу этого сделать, а девочка настаивает, заставляя взять фужер в мою ладонь, и толкает меня к мойке. Мое лицо принимает гримасу боли.

– Расслабься, делай это с радостью, – говорит девочка, – сделай глубокий вдох и выдох.

Она учит меня дышать, а потом толкает локтем:

– Выливай!

У меня буквально несколько минут попрощаться с блаженным пойлом, и оно исчезнет в недрах канализации. Но тут я догадываюсь сказать:

– Кажется, Ваня проснулся, мне надо к нему.

Даша не доверяет мне и идет проверять сама, спит или нет ее кузен. У меня есть пара секунд залпом выпить блаженное снадобье, пока она не вернулась. Теперь девочка застает меня за мытьем бокала.

– Правда, стало легче? – поощряет она меня, поглаживая по руке.

«Еще бы» – думаю про себя я и киваю. Лучше не бывает, когда по твоим венам бежит горячительная жидкость и тепло в желудке.

А на работе все по-прежнему, стажерка уронила три тарелки, Наташа красуется, глядя в свое отражение в бокалах, Анна Сергеевна шпыняет бухгалтера, мы с Лешой курим у черного входа. Он рассказывает мне историю своего друга, я внимательно слушаю, но ничего не запоминаю. Я вообще с утра какая-то растерянная.

– Мне скучно, – говорит бармен, – Кажется я подошел к такому возрасту, когда пора жениться, а рядом никого подходящего нет.

– Какая тебе нужна жена? Определись и посмотри по сторонам, может, найдешь? – отвечаю ему я.

– Ты вполне подходишь, – смеется он, – Пойдешь за меня?

– За нищего бармена? – смеюсь ему в ответ и толкаю его локтем в бок, – Шучу.

– То, что у меня нет постоянного жилья ни о чем не говорит, так полстраны живет.

Что верно, то верно. Из всего персонала у нас только Анна Сергеевна и Олеся (официант) – местные. Большие города – это города не для жизни, это города, чтобы гробить свою жизнь непонятно зачем.

Ой, нет, я знаю, зачем большинство едут сюда. Чтобы написать в статусе в «Одноклассниках» слова: «Москва» или «Питер», причем многие не живут здесь, а просто приезжают раз в год, тогда он пишут «Владивосток, Москва». Товарищи, определитесь уже! В двух местах одновременно быть невозможно.

Сегодня так мало гостей, что можно спать и не бояться, что тебя оштрафуют. Пинаем балду. С Олесей подпеваю радио, делаю журавлей и даже умудрилась смастерить из салфетки рубашку. Идем курить четвертый раз за два часа, но уже с той же Олесей, кстати, это она у нас вездесущий стажер, девушка – сплошное стихийное бедствие, с ней у нас гости скоро будут есть из пластиковых тарелок.

– Ты не думай, я не всегда такая сонная, – говорит мне она, пуская дым своими тонкими губами, – Просто вчера я сидела за компом, а муж жаловался, что хочет спать. Ну, я все выключила. Легли. И тут его приспичило поговорить. Он болтал со мной до трех часов ночи! А еще говорят, что женщины – болтливые противоречивые натуры.

Что верно, то верно. Странно, конечно, что она так со мной разоткровенничалась, но я не обсуждать это нигде не буду. Просто молчу и киваю, мол, понимаю.

– Я попала на свадьбу, – продолжает она, – Тебя мной заменили, я так волнуюсь. А почему ты будешь ее вести? У нас теперь такая услуга есть?

– Жених – мой знакомый, решил сэкономить на тамаде, – скупко отвечаю я.

– А на меню они решили не экономить, – подмечает Олеся, – Да и заведение у нас не из дешевых.

Да. Это вполне странно, ведь он заказал банкет после того, как договорился со мной. Сделано ли это для того, чтобы мне было комфортно работать ведущей на своей территории или его невеста настояла на дорогом кафе или это все просто совпадение? Олеся озадачила меня темой, на которую я не хотела направлять свои мысли, уж слишком гадкими они порой становились, молодые не заслуживают такого отношения к ним даже самого постороннего человека.

А ведь я – посторонний человек. Он ведь не пригласил меня, хоть мог, ведь я совершила для него такой важный поступок! Вернула драгоценное кольцо. Вместо благодарности, он дал мне работу, за копейки, конечно. А если Людмила была против моего присутствия в роли гостыи, и Паша придумал выход. Может, все ж хочет, чтобы я была при этом важном шаге в его жизни, как напоминание о прошлом, как старый друг. Или чтобы сравнивать меня и невесту и радоваться своему выбору.

Паша, ты слишком жесток. Мне нравилось жить мечтами в неведении, а теперь у меня и малейшего шанса нет. Все эти годы, я прожила думая о тебе, я зря теряла время. Нужно было спуститься на грешную землю. Хотя я и пыталась это делать, я находила себе парней, но они не оставались на долгое время, все уходило само. Так же легко как и когда-то ты от меня ушел. Похоже, что я становлюсь Платоном, ну что ж, он, по крайней мере, писал, что безответная любовь полезна, что она развивает в людях чувство и обогащает духовно. С другой стороны, ведь я люблю прежнего Пашу, а не нынешнего. Того, кого я люблю больше не существует. Я люблю пустоту.

Под вечер привезли оформление на свадьбу и оставили его в подсобке, чтобы завтра впопыхах не везти сей груз вместе с гелиевыми шарами. Наташа, самая любопытная, заглянула в коробки и ахнула:

– Золотое! Какая красота!

– Зоя, по-моему они тебя обманули, что с деньгами проблема, – кольнул меня Леша, но я не обратила внимания, мне предстояло пересматривать сценарий мероприятия и повторять скороговорки. Запнусь – будет означать провал.

Недавно пришедшая в наш коллектив посудомойка, странная женщина с красными волосами, собранными в крысиный хвостик, проходя мимо меня вообще бросила непонятную фразу:

– Ой, сколько слез... А ты, деточка, не верь им, у тебя завтра новая жизнь начнется.

Я покосилась на нее в недоумении, зачем мне это говорит уродливая женщина со странными татуировками на пальцах. Есть в ней что-то цыганское что ли? А потом я замечаю у нее еще одну странность, ее карие глаза слегка разнятся, в том плане, что правый – живой, едкий, шустрый, а левый вообще не двигается и зрачок даже как-то больше по размеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.